

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Половцовой Яны

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Рок-н-ролл под Кремлем. Кн. 4. Еще один шпион : [роман] / Данил Корецкий. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-099587-5

Бывший диггер-одиночка Леший, а ныне офицер спецслужбы Синцов обеспечивает безопасность московских подземелий и ищет легендарное Хранилище, в котором предположительно спрятано несколько тонн золота, пропавшего во время эвакуации золотого запаса в сорок первом году.

Но подземная Москва притягивает самых разных людей. Подросшее поколение диггеров-готов рыщет по таинственным тоннелям, террористы с Кавказа пытаются найти проход под Кремль, привлекая в проводники освободившегося из заключения неукротимого карлика Бруно. А на поверхности плетут свои сети агенты ЦРУ, одной из задач которых является освобождение пожизненно осужденного шпиона Мигунова.

Найдут ли герои Хранилище? Прорвутся ли террористы под Кремль? Удается ли вытащить из особорежимной колонии шпиона-«пожизненника»? Какие еще тайны хранят страшные московские подземелья?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099587-5

© Корецкий Д. А., 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Разведывательный спутник «Лакросс», принадлежащий военной разведке США, давно устаревший ветеран «холодной войны»: огромный конус, размером с хорошо известный российским пассажирам автобус «Икарус», — распластав длинные крылья солнечных батарей, натужно парил на высоте двухсот километров, совершая очередной виток вокруг земного шара. Несколько лет назад потребности ЦРУ и технический гений профессора Кольбана, разработавшего новую программу космического слежения, вернули старичка к жизни, поставили в строй, и он добросовестно внес свой вклад в операцию «Рок-н-ролл», которая если и не стала до конца успешной, то отнюдь не по вине его компьютеров, электрических цепей, электронно-оптических датчиков и передающих антенн.

Сейчас «Лакросс» нес службу по инерции, выполняя рутинные задания, просто потому, что сжигать работоспособный объект разведывательного управления в атмосфере было бы неразумным расточительством. Вот он и летал себе, безразлично рассматривая сквозь мощную оптику то, что открывалось далеко внизу. А там «мелькали города и страны, параллели и меридианы», как пелось когда-то в хорошей, но устаревшей советской песне.

Иногда спутник-шпион принимал и ретранслировал в Центр чрезвычайные радиосообщения разбросанных по всем континентам агентов глубокого внедрения, иногда фотографировал новые — масштабные, могущие иметь стратегическое значение стройки, иногда отслеживал в мировом океане бурные следы атомных субмарин или фиксировал запуски космических ракет с давно рассекреченных полигонов... Было время, когда

чуткая аппаратура заглядывала даже в таинственные подземелья под российской столицей, но после завершения операции «Рок-н-ролл» эта опция была невостребованна, и теперь просмотреть московские лабиринты «Лакросс» мог только по собственной инициативе, если таковая имеется у неодушевленных предметов — будь то межконтинентальные ракеты или космические аппараты — что, несмотря на очевидную невероятность, иногда признают люди, работающие с ними много лет.

В сетку координат вплыла Москва, и электрические сигналы, будто дрожь давно пережитых страстей, пробежали по цепям отключенных контуров, выполнявших ответственные функции в период проведения «Рок-н-ролла». Вот внезапно запросил подземную «картинку» личный навигатор одного из основных фигурантов операции офицера Мачо, который давно не выходил на связь по вполне уважительной причине: он был мертв. Но аппаратура не вдавалась в такие нюансы и послушно исполнила запрос. Бортовой компьютер не был настроен на решение философских задач жизни и смерти, он просто выполнял свои программы. И хотя операция осталась в далеком прошлом, данные о большинстве ее участников: живых или мертвых — безразлично; хранились в электронной памяти на случай, если «Рок-н-ролл» придется продолжить. Поэтому, наверное, ветеран космической разведки сквозь сто девяносто километров безвоздушного пространства и десятикилометровый слой мутноватой атмосферы разглядывал синими глазами объективов площади, улицы и дома российского мегаполиса, словно рассчитывая найти там, внизу, знакомые лица.

Это хорошо бы смотрелось на огромном, слегка вогнутом киноэкране: зависшее над планетой технологическое чудовище, внимательные, отблескивающие иридиевым покрытием кварцевые линзы; наплыв, трансфокация, стремительное падение из ледяной космической бездны — сквозь космическую пустоту, магнитные пояса, ноосферу, ионосферу, сквозь озоновый слой в атмо-

сферу, сквозь все более сгущающийся и теплеющий воздух, сквозь белые, как вата, облака, сквозь сизый и вонючий автомобильный смог.. И вот уже Москва видна, как на ладони: с высоты птичьего полета хорошо различаются классические сталинские высотки и подражающие им олигархические двойники новейшего времени — футуристические небоскребы с неприлично дорогими пентхаусами, остатки старой застройки Замоскворечья и Китай-города, незыблемо-величавый Кремль...

Крутое пике в район Лубянской площади — и вот уже весь экран занимает желтоватое здание Дома 2¹, столь же известное в профессиональных кругах и голливудских блокбастерах, как комплекс зданий ЦРУ в Лэнгли или МИ-6 над Темзой. Финальное увеличение: фасад, рама окна, запыленное стекло, служебный кабинет, в котором начальник распекает за что-то подчиненного...

Похожее шпионское кино когда-то уже мысленно снимал лучший специалист ЦРУ по России Билл Джефферсон, известный под псевдонимом Мачо, но он плохо кончил: был разоблачен и убит при задержании. А находящиеся в кабинете люди имели непосредственное отношение к той давней истории.

¹ Лубянка, 2 — адрес центрального здания ФСБ России.

Глава 1

Секреты особой важности

— Какая еще жалоба, откуда?

Леший не то чтобы не поверил, но как-то усомнился. Он был человеком предельно реальным и конкретным. Именно он сорвал операцию «Рок-н-ролл», задержав на ее последней стадии шпиона — предателя Мигунова.

— Кто написал, куда послал, как узнал фамилию? Я же не участковый, с которым все жители микрорайона здороваются!

Его обычно хмурое, «подземное» — втихомолку шутили в спецзвезде, лицо еще больше потемнело и стало похоже на кусок противоатомного бетона из недостроенного бункера № 6. Причем рассерженный кусок бетона.

— Присядь, — сказал ему майор Евсеев.

Майор был, как говорится, из молодых, да ранним — на добрый пяток лет моложе Лешего, а командовал отделом и спецподразделением «Т», готовился скоро подполковника получать. И что бы там ни болтали недоброжелатели и завистники, Евсеев тоже был парнем реальным и конкретным — именно он вытащил из прошлого шпиона Мигунова. Да и Джефферсона застрелил он. С двадцати метров в затылок, в темноте! Это очень хороший выстрел. Если, конечно, смертельные выстрелы могут быть хорошими...

— Жалоба во все инстанции сразу: Генеральную прокуратуру, МВД, ФСБ. Не знаю, как отреагировали прокурорские и милиционеры, но «подземники» есть только у нас, поэтому Директор сразу отписал мне: «т. Евсеев, разобраться!» А я увидел прозвище... извини,

теперь это твой позывной, и все стало понятно! Ясно теперь?

— Да уж, куда ясней, — буркнул Леший.

— Объясняю дальше, по порядку. Написала Поликарпова Инна Сергеевна, проживает на проспекте Мира, 154-12. О чем-то это имя тебе говорит?

— Понятия не имею, — сказал Леший.

— А Поликарпов Дмитрий Михайлович, ее сын, тебе известен?

Леший глубже надвинул брови и покачал головой.

— Ну, вот и познакомишься заодно.

Евсеев выдернул из папки с входящими документами сероватый лист, исписанный тонким паутинным почерком, встряхнул перед собой, приготовившись читать. Поднял глаза на Лешего:

— Ну, что ты стоишь, как неродной? Сядь, говорю.

Леший молча опустил в кресло по ту сторону потертого, исцарапанного стола.

В этом кабинете за четыре десятка лет почти ничего не изменилось. Тот же сейф, еще сталинских времен, тот же шкаф, и рабочий стол тот же, и даже фигурка гимнаста возле перекидного календаря. Только протоптанный насквозь ковер выбросили, потом стерли до белесой основы и выбросили второй такой же, а там мода на ковры прошла, а на приставные столики появилась, вот и сидел сейчас Леший, тяжело облокотившись на хлипкий лакированный столик, а ногами в тяжелых ботинках елозил по голому паркету.

— «...Мой сын, Поликарпов Д.М., студент первого курса МАРХИ, связался с сектой, именующей себя "Исчадия ада", — выразительно, с расстановкой начал читать Евсеев. — Они с друзьями, такими же молодыми людьми, спускаются под землю, где специально подготовлены какие-то помещения и подземные ходы, и даже что-то вроде святилища, где сектанты, видимо, приносят какие-то жертвы...»

Леший издал приглушенный звук, похожий на кашель. Евсеев многозначительно глянул на него и продолжил:

— «...Мы с мужем пытались отговорить Димочку от общения с сектантами, но бесполезно. Наш сын — умный, начитанный мальчик, удивительно добрый. А тут он стал грубить и ругаться, и пригрозил, что уйдет из дома. И вот, 23 июня с.г., Дима не пришел домой ночевать. Как оказалось, лекции в этот день он не посещал. Что я испытала, что я передумала, не передать. Мы все обзвонили, все морги и больницы, и милицию тоже обзвонили. А Димочка пришел под утро, весь грязный, не узнать, и еле живой. И у него на лице была кровь! Мы стали расспрашивать, что и как. Димочка был сам не свой и сказал только, что они ходили под землю, искать какую-то Адскую Щель — проход в Царство Мертвых, там их встретил взрослый человек по фамилии то ли Лишай, то ли Леший, то ли Лишний, который и разбил ему лицо... Больше сын ничего не рассказал и ушел спать... Убедительно прошу вас пресечь действия "Исчадий ада"! А также найти и наказать этого взрослого, потому что такие и вовлекают молодежь во всякие секты..»

Сдерживая улыбку, Евсеев с интересом посмотрел на Лешего.

— Ну, что скажешь, «товарищ Лишай»? Вспомнил? Тебя под землей тоже все знают, не хуже, чем участкового на участке... А ты прибедняешься!

Леший засопел.

— Да ерунда все это...

Он замолк, быстро глянул на Евсеева и снова опустил глаза.

— Я их под «Кузницей» нашел, — выдавил он. — В старом коллекторе, заваленном, он с середины 60-х не эксплуатируется... И там метановые ловушки есть... ну, где газ собирается, он откуда-то из глубины прет. Так вот они в одну такую и забрели. И какой-то придурак, видно, зажигалку запалил... Я не знаю точно, может, спичку чиркнул... Ну, и рвануло. Концентрация небольшая, никого не поубивало, так только... пыхнуло слегка,

пораскидало в стороны, оглушило, обожгло немного... Они, конечно, фонари свои растеряли, придурки. Бродили там в полной темноте, выли от страха... Ну, и все, в принципе. Я их собрал кое-как, выкинул на Вернадского за котельной...

Леший опять замолчал.

— Да, там был один, борзой такой... Думаю, это он чиркал, он и больше всех орал. Ну, так я ему рог вправил слегонца... Наверное, Поликарпов — это он и был...

Евсеев кивнул, спрятал жалобу обратно в папку.

— Выходит, ты их спас? А они на тебя жалуются?

— Ну, спас не спас... Может, и сами бы выбрались, хотя вряд ли... Знаешь, скольких мне вытаскивать приходилось? Только благодарностей никто не писал. Материли, кусались, драться бросались — это часто бывало...

— Да-а-а... Ни благодарности, ни справедливости, — сочувственно кивнул Евсеев. — А ты сам-то, Алексей — что ты там делал?

Леший перестал смотреть в пол и устался в окно.

— Ну. Так, гулял...

— Один?

— А с кем? Я же выходной был...

— И дежурного не предупредил? И никакой записи в журнале внеплановых спусков не оставил? И рапорт о происшествии не написал?

Майор Евсеев изобразил крайнее изумление и даже руками развел.

— Не могу поверить.

— Ну. А чего предупреждать? Я ж не предупреждаю, когда в свободный день по Тверской прогуливаюсь...

— А когда ты последний раз по Тверской прогуливался?

Леший задумался.

— Давно.

И добавил:

— Уже и не вспомню.

Любой из начальников, сидевших в этом кабинете — и полковник Еременко, и подполковник Шахов, и полковник Кормухин, — короче, все, в этот момент стали бы орать, брызгать слюной и ругаться, в том числе матерными словами: «Ты что здесь придурка, Ваньку-сироту разыгрываешь, твою мать?! Ты в городе, как нормальные люди, никогда и не гуляешь, мать-перемать туда и обратно! Ты норовишь под землю забиться, как раньше, с этими долбаками! Только теперь ты не диггер-одиночка, а офицер подземной безопасности, командир специального взвода, твою мать! Особо секретного, между прочим! Кстати, и за секретность, и за особые условия тебе надбавки идут и льготная выслуга! А подземелья — это твоя зона ответственности, место службы, а не прогулок! Поэтому спуски можно проводить только в соответствии с Инструкцией к приказу 0071! А лезть каждый раз, как в жопе зачесется, ты права не имеешь! По Садовому кольцу пиз..й, пожалуйста, куда хочешь, или по Малой Дмитровке — это действительно твое личное дело! Ты понял, мать-перемать?!»

Но Евсеев не стал ни орать, ни материться. Он себя уважал и втайне немного собой гордился. Ему нравилось, что именно «под него» объединили линии обеспечения безопасности на ракетных полигонах, подземных объектах Москвы и работы с иностранцами, создав укрупненный отдел на правах самостоятельного Управления с приданным спецвзводом «Туннель». Нравилось, что его знает сам Директор, который лично отписывает документы ему — одному из сотен майоров, минуя своих замов-генералов, полковников — начальников управлений, и их заместителей — подполковников. Нравилось, что всего этого он добился сам, своим трудом и способностями. Ему нравилось, что он — руководитель новой формации, который не хамит подчиненным, не орет на них и не унижает человеческое достоинство. Одним словом, ведет себя так, как должен вести образцовый начальник — офицер государственной безопасности. Еще

давным-давно, сотрясаясь от истерических криков в кабинете полковника Кормухина, он дал себе зарок никогда не кричать на своих подчиненных — если, конечно, таковые у него когда-нибудь появятся. И слово свое держит.

Диапазон тона — от доброжелательного до сурового, но без истерик. И без фамильярности, ясное дело. Внимание, корректность, чуточку иронии, безупречные логические конструкции — вот такой примерно портрет идеального начальника внедрял в жизнь майор Евсеев.

Но на деле это было нелегко.

Черт. Это было, как бы сказать, не матерясь? Очень нелегко.

Вот и сейчас создавалось впечатление, что Синцов, по каким-то загадочным подсознательным причинам, нарочно провоцирует его перечеркнуть облик руководителя новой формации и перейти на апробированный поколениями советских и постсоветских начальников язык матерных разносов, который поколения подчиненных почему-то наиболее хорошо понимают. Ведь он откровенно строит из себя дурака. А может, он и есть дурак? Но нет, по этому пути правильный руководитель не пойдет.

Евсеев вздохнул, задержал дыхание, выдохнул.

— Погоди. Ты — командир спецвзвода «Т». Пример для бойцов, так? Авторитет и образец поведения. Я верно излагаю?

Леший напрягся, выпрямился, но промолчал.

— Так какого черта ты, командир, первый нарушаешь приказ?! — не выдержав, повысил голос Евсеев. — Мы вместе обсуждали каждый пункт будущей инструкции, ты помнишь? По одному «в минус» не ходить — ни-ког-да! Оставлять наверху резерв, подготовленных и информированных людей, готовых прийти на помощь! Аккуратно протоколировать каждый выход! По часам и минутам! Это — основы существования «Тоннеля», азбука! И все это коту под хвост!.. И ты мне об этом так

спокойно объявляешь, будто так и надо! Вот он я, та-кой-растяжкой! Нет, ну как так можно?!

Евсеев уже не сидел за столом, он описывал хищные круги около стула с Лешим.

— Так люди-то все разные, — вяло защищался тот. — Вон, Середов и этот... Заржецкий, два кекса. Они у меня еще по первому уровню зачеты никак не сдадут. Вот их точно одних отпускать нельзя, и даже если с группой идут, то наверху надо «скорую помощь» и спасателей держать наготове... Только я тут при чем? Я в «минусе» лучше ориентируюсь, чем в этих ваших коридорах лубяньских...

— В наших, Алексей! В наших коридорах! — с досадой выдохнул Евсеев. — Восемь лет прошло, а ты все отстраняешься... А правила — они и для тебя писаны. Если бы ты их соблюдал, если бы задержал этих молодчиков под «Кузней», как предписано инструкцией, составил на них протокол, подал рапорт — никаких жалоб не было бы, понимаешь? Никаких! Наоборот: это им бы пришлось выкручиваться, писать объяснения и все такое!..

Леший, до этого момента сидевший неподвижно, как бетонное изваяние, зашевелился, поднялся.

— Да понимаю я, Юрий Петрович, — хмуро сказал он. — Все понимаю. Только не моё это — инструкции, правила. Не вписываюсь я в эту схему. И «минус», каким я его знаю, он тоже не вписывается. Это не метро, где все по расписанию, туда-сюда... Там по-другому... Я много думал над этим. Даже вот...

Он полез в нагрудный карман, достал оттуда сложенный вчетверо лист, протянул Евсееву.

— Бумагу вот составил на всякий такой случай...

— Какая еще бумага? Что это? — спросил Евсеев.

— Рапорт об отставке. Ухожу из «Тоннеля», товарищ майор.

Евсеев отдернул руку, развернулся, молча прошел к столу, сел. Нет, все-таки трудно быть идеалом. Пожалуй, идеальный начальник вообще нежизнеспособен...

— Это из пивбара ты можешь уйти вот так вот: попил пивка — до свиданья! — и ушел. А эту бумагу отнеси в сортир на третьем этаже, там никогда туалетной не бывает! — рывкнул он. — Чем недоволен? Конкретно? Зарплата, условия труда?

Майор Синцов хмуро мотнул головой.

— Зарплата царская...

— Ладно, не издевайся! У вас еще подземные надбавки и за секретность, что тогда наземному оперсоставу говорить?

— Да нет, правда. Могучая зарплата. Почти вся остается...

Леший не издевался и не шутил, он говорил от сердца. Евсеев даже улыбнулся.

— Ну, ты даешь, Леха! А все жалуются! Да и сам до двадцатого числа всегда «на подсосе» тяну...

— Кто как привык. Я ведь в основном на снаряжение тратился. Жратва простая — яйца, лапша, молоко, хлеб. А сейчас и снаряжение готовое, и талоны на усиленное питание, и почти сорок тыщ каждый месяц...

— Значит, по зарплате претензий нет. Хорошо. По работе?

— Да это не работа... Это жизнь моя... Мне ведь на Тверской делать нечего: неинтересно там! А в «минус» закинешься — там все другое, настоящее...

— Ты эти свои «закидки» забывай! Это оперативно-служебный спуск, или выход, как в инструкции написано, — со значением поправил Евсеев. И подвел итог.

— Значит, и по работе претензий нет. Тогда в чем дело?

Леший вздохнул.

— Жизнь нельзя уложить в инструкции. Я уже восемь лет у вас в штате, а мне из милиции по-прежнему раз-два в месяц звонят: «Два спелеолога закинулись и не вышли», или: «Студентики собрались под Неглинкой прогуляться и пропали...» Чего мне делать? Объяснять: «Мол, я такой правильный, что без начальства не могу "в минус" соваться! А МЧС, изви-

ните, под землей не работает. Да и вообще никто там не работает и никого не спасает. Так что отстаньте с вашими глупостями, как эти мудаки закидывались, так пусть и выкидываются!»

Он вздохнул еще раз.

— Да и вообще — не так все идет...

— Почему «не так»? — возразил Евсеев. Он чувствовал себя полным дураком: начал с разноса, а заканчивает похвалами.

— «Минус» подчистили, порядок навели, доступ ограничили, официальную картографию закончили... Да и взвод ты создал работоспособный, пусть Середов с Заржецким еще новички, но основной костяк — профессионалы, таких нет и не было...

Леший криво усмехнулся.

— Были. Они «тепляки» от бомжей еще лучше чистили. Потому что сразу в живот стреляли. А мы только морды бьем, да и то вопреки инструкции.

Евсеев от возмущения даже кулаком по столу пристукнул. От толчка включился стоящий рядом с календарем угловатый блестящий атлет и принялся безостановочно крутить «солнышко» на блестящем турнике. У этой фигурки тоже была своя загадочная история, только ее не все знали. Леший, например, не знал.

— Ты это брось! Неверовских выроdkов с кем сравниваешь? Пыльченко блестящие результаты дает...

— Ну, так.. Ведь Пальца я лично натаскивал, года два, а то и три... А ведь никто из старых диггеров, из «знающих», так и не пришел ко мне!

— Не всех бы и взяли. Ты знаешь, что у твоего друга Хоря отец был судимый? Вот при всем уважении его бы и завернули! Да и многие «знающие» не прошли бы спецпроверок, медкомиссий, тестирований...

— Хоря уже нет сколько лет, а вы все его бумаги перебираете, — поморщился Леший. — Только такого диггера второго не найдешь. И не вырастишь. Он знаешь, куда ходил? Э-э-эх!

— Извини. Просто к слову пришлось, что бюрократию не объедешь. А ребята перспективные у тебя есть! Бородько, Рудин... Кто там еще — Зарембо, Полосников! Они что, по-твоему, хуже этих пижонов, которые просиживают штаны в «Козероге»?

— Да это разное, — снова поморщился Леший. — «Знающие» через свой нюх все каналы проходили, каждый камешек в мозгах помечен. А наши ребята по картам закидывались. Это большая разница. Поэтому в «Козероге» моих и не принимали. Там старая школа сидела, им наше картографирование — как роза через пропивогаз, никакого кайфа...

Евсеев презрительно скривился.

— Брось! Не эти хваленые «знающие» вычистили из Фрунзенских пустот группу Хриплого, который сплавлял кавказцам взрывчатку с армейских складов! И банду Зиновьева, которая в Стромьинском коллекторе пряталась, не они постреляли! И предотвратили теракт на Филевской линии в 2007-м не они, а ты со своими парнями! Что, не так? Молчи, не надо! Я сам тебе скажу, чем эти козероги занимались в то время. Они пили пиво с сосисками. Да, и еще — травили байки. Вот все, что они могут. Да и сейчас, наверняка, то же самое делают...

— Да нет... Сейчас и их в «Роге» нет, там теперь другое кружилово- мутилово...

Трудно быть идеальным начальником, а может, и невозможно. Майор Евсеев тяжело вздохнул и одним мазком перечеркнул портрет прогрессивного руководителя новой формации.

— Короче, Алексей, если ты уйдешь, «Тоннель» развалится к чертям собачьим! Потому что ребята — и Рудин и Палец, даже Заржецкий с Середовым — они молятся на тебя! Да и честно скажу — замены тебе нет! Не вырастил ты еще себе замену! Уйдешь ты — уйдут и твои парни. А кто придет? Нынешние ушлые пацаны, которым все равно, где «рубить бабло»? Получится вариант «Неверов номер два»! Будут опять трупы в «минусе»,